

СУЩНОСТЬ ТЕРМИНА В ИССЛЕДОВАНИИ В.М. ЛЕЙЧИКА

Л.М. Алексеева, С.Л. Мишланова

Аннотация. В статье рассматривается творчество выдающегося терминоведа XXI века Владимира Моисеевича Лейчика, внесшего большой вклад в развитие теории терминоведения. Подробно исследуется модель термина как языкового субстрата естественного языка, теоретически доказанная и подтвержденная многочисленными экспериментами в области терминологии. Использование термина «субстрат» в качестве образа-метафоры имеет громадный смысл для методологии и философии термина. Созданная по принципу многоуровневости, данная модель раскрывает «терминологическую сущность термина». Теория В.М. Лейчика о языковом субстрате термина завершает период трансформаций в терминоведении и одновременно открывает новый когнитивный период. Проводится сопоставительный анализ основных положений терминоведческой теории, разработанной в трудах В.М. Лейчика, и идей дериватологического направления в лингвистике. Делаются выводы о роли новой модели термина, предполагающей динамику пространства терминообразования.

Ключевые слова: В.М. Лейчик, термин, терминоведение, терминообразование, модель термина, языковой субстрат, деривация.

Для цитирования: Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Сущность термина в исследовании В.М. Лейчика // Преподаватель XXI век. 2024. № 2. Часть 2. С. 362–377. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-2-362-377

362

ESSENCE OF THE TERM IN V.M. LEITCHIK'S RESEARCH

L.M. Alekseeva, S.L. Mishlanova

Abstract. The article deals with the work of the outstanding terminologist of the XXI century Vladimir Moiseevich Leitchik, who made a great contribution to the development of the theory of terminology. The model of a term as a linguistic substrate of natural language, theoretically proved and confirmed by numerous experiments in the field of terminology, is investigated in detail. The use of the term substrate as an image-metaphor has a formidable meaning for the methodology and philosophy of term. Created according to the principle of multilevel, this model reveals the “terminological essence of a term”. V.M. Leitchik's theory of the linguistic substratum of a term

© Алексеева Л.М., Мишланова С.Л., 2024



Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

completes the period of transformations in terminology and simultaneously opens a new cognitive period. A comparative analysis of the main provisions of the terminology theory developed in V.M. Leitchik's works and the ideas of the derivatological direction in linguistics is carried out. The conclusions are drawn about the role of the new term model, which implies the dynamics of the term formation space.

Keywords: V.M. Leitchik, term, terminology, term formation, term model, language substrate, derivation.

Cite as: Alekseeva L.M., Mishlanova S.L. Essence of the Term in V.M. Leitchik's Research *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education, 2024, No. 2, part 2, pp. 362–377. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-2-362-377

Введение

О терминологическом творчестве профессора Владимира Моисеевича Лейчика, одного из основателей российского терминоведения, написано много, а его взгляды на термин хорошо известны [1–3 и др.]. Тем не менее системное исследование трудов В.М. Лейчика позволяет высветить новые грани его таланта как исследователя термина. Безусловно, В.М. Лейчик занимает одно из первых мест в ряду исследователей-терминологов, принимавших участие в решении сложнейших вопросов терминоведения.

В.М. Лейчик много размышлял о природе названий вещей и объектов, об истории названий, о роли людей в создании слов [4; 5]. Но особенно его интересовали проблемы специальных слов, терминов. Направленность терминологического творчества В.М. Лейчика отличали системные и конструктивные принципы. Будучи ведущим лингвистом, В.М. Лейчик осознавал важную роль терминологии для современной науки. Он считал, что человек сталкивается с терминами во всех сферах современной жизни, и это заставляет серьезно и внимательно изучать данные единицы как основу профессиональной коммуникации.

В данной статье мы раскроем собственное понимание научных идей В.М. Лейчика и вклада его творчества в формирование терминоведения как науки. Так сложилось, что творческая биография В.М. Лейчика оказалась живой историей, отражающей очень сложный этап в истории и методологии терминоведения, а содержание его работ полностью воспроизводит многочисленные дискуссии вокруг термина и его природы.

Жизнь и творчество В.М. Лейчика видится нам как целостная картина, сотканная из содержательных открытий в области теории термина, сыгравших большую роль в научном знании. Эта особенность придает терминологическому творчеству В.М. Лейчика удивительную логику и последовательность. Научный интерес профессора В.М. Лейчика был устремлен к решению главного вопроса, связанного с исследованием природы термина на протяжении многих лет. Творчество В.М. Лейчика отличают четкая постановка вопросов и организация плодотворных дискуссий, направленных на преодоление стереотипного мышления в отношении терминологии. Большое значение терминологических идей В.М. Лейчика заключается в безусловном новаторстве, выражающемся в преодолении границ традиционных представлений о термине и в обогащении теории терминоведения.

Известно, что в традиционной парадигме термин рассматривался как жесткая и в определенном смысле ограниченная единица языка [6]. В научном творчестве В.М. Лейчика произошло разрушение устойчивых стереотипов в отношении термина [7–11 и др.].

Объектом исследования в традиционном терминоведении считался термин, представленный в специальных или узкоспециальных словарях, а усилия терминоведов были направлены на поиск способов упорядочения и стандартизации отраслевых терминологий. Этот подход к изучению термина получил название «нормоцентрического» [8]. Методологически данные работы выстраивались по принципу антиномий и несоизмеримости единиц естественного и специального языков. Терминологи ставили целью изучение специального языка, а также разработку технических обязательных правил решения профессиональных проблем.

Рубеж, разделяющий традиционное и современное терминоведение, отмечен исследованиями, переосмысляющими устойчивые взгляды на термин. Переход от описательной парадигмы к когнитивной назван трансформацией, в результате которой происходит переинтерпретация основных понятий, а также их видоизменение или замещение новыми понятиями [12; 13].

Творчество В.М. Лейчика приходится именно на период смены научной парадигмы, отражающей переход от традиционного терминоведения к этапу разработки теории и моделирования главного объекта исследования — термина.

Это чрезвычайно сложный период для развития любой науки, поскольку старые традиционные взгляды еще не успевают изжить себя, как начинается эпоха инновационных идей. По Т. Куну, науки при этом теряют статус нормальной науки и подвергаются различным трансформациям [14]. Отсюда решение актуальных проблем переходит на более высокий уровень, в область философии, методологии и семиотики. В соответствии с этим терминоведение вышло за собственные пределы, т. е. утратило прескриптивную функцию и приобрело признаки зрелой теории.

В.М. Лейчик одним из первых отметил необходимость создания теории термина. Современный этап развития терминологии он назвал науковедческим, поскольку так же, как и науковедение в целом, науку о терминах начинают волновать проблемы языка науки [15]. В традиционном терминоведении считалось, что наука является лишь внешним фактором. Мысль о связи терминоведения с наукой имеет большое значение. Развивая данную идею, заметим, что темпы развития науки и терминоведения не всегда совпадают. Если внутренние закономерности развития терминологии, а также темпы ее развития не удовлетворяют требованиям науки, то в этом случае терминология оказывается неспособной интерпретировать науку.

Научные труды В.М. Лейчика были первыми, раскрывшими ограничивающие рамки традиционного терминоведения, замыкавшегося на языковых решениях проблем термина. В.М. Лейчик показал, что описание термина в период трансформации обретает новый смысл. Как результат — данные исследования легли в основу абсолютно нового для терминоведения когнитивного направления, сыгравшего впоследствии важную методологическую роль.

Критика положений традиционного терминоведения в трудах В.М. Лейчика опиралась на признание современной наукой активности субъекта в процессе познания и на понятие концептуализации как деятельности. Поэтому теоретизированный мир

представляет собой соединение знания об объективной действительности и той «категориальной сетки», которая определяется исторически обусловленным уровнем знания [16]. Эти принципиально важные положения позволяют сделать вывод о том, что традиционный подход к понятию термина должен быть уточнен.

Модель термина как языкового субстрата

Созданная В.М. Лейчиком модель термина как субстрата естественного языка считается главным открытием в терминоведении [8]. Данная модель, созданная на основе предшествующих рассуждений и исследований термина, представлена как синтез размышлений о терминологии. Очень емкая по структуре модель воспринимается как формула В.М. Лейчика, носящая универсальный характер, т. е. доказанная теоретически и подтвержденная конкретными экспериментами в области терминологии. Формульный характер открытия способствовал тому, что часто данная формула воспринималась как нечто данное и готовое. Молодые исследователи цитировали одни и те же фрагменты статьи, недооценивая само доказательство.

Актуальность модели термина как субстрата естественного языка обусловлена состоянием терминоведческой теории 1980-х годов, усматривавшей в терминологии особый, быстроразвивающийся лексический слой, группу общенародной лексики, существующей в соответствии со специфическими закономерностями. Под термином понималось «слово или подчинительное словосочетание, имеющее специальное значение, выражающее и формирующее профессиональное понятие и применяемое в процессе познания и освоения научных и профессионально-технических объектов и отношений между ними» [17, с. 5]. Эта идея четко вписалась в парадигму терминоведческих теорий, основой которых являлось понятие специфичности как атрибута термина.

В.М. Лейчик понимал, что для создания теории термина нового типа необходимо подняться на более высокий уровень рассуждения. Таким уровнем послужила семиотика, общая теория знаковых систем, использующая принцип отношений между системами, принадлежащими разным сферам. Так, отношение между естественным и специальным языками стало возможным представить в аспекте производности. Именно В.М. Лейчику принадлежит заслуга создания модели термина в качестве субстрата естественного языка, положившей начало новому направлению — семиотике терминоведения.

В.М. Лейчик трактует лексические единицы языка в качестве знаков-обозначений. В этом плане термин — это знак, обозначающий понятие, поэтому термин как знак вступает во все семиотические отношения. Понятие терминологизации определяется как переход лексической единицы из состояния нетермина в состояние термина [18, с. 29].

Обратимся непосредственно к самой статье, основные идеи которой развиваются в последующих научных трудах В.М. Лейчика.

Статья начинается с обзора терминоведческих теорий 1980-х годов в аспекте двух направлений: нормативного и дескриптивного. Отдавая должное вкладу нормативного направления в терминоведении, сыгравшего большую роль в решении проблем стандартизации и унификации отраслевых терминосистем, В.М. Лейчик делает вывод о невыполнимости требований к термину, противоречащих природе термина.

Затем В.М. Лейчик переходит к доказательству слабости аргументов, приводимых сторонниками исключительно языковых взглядов на термин. В итоге исследователь

приходит к выводу о том, что лингвистические рамки исследования термина ограничивают исследование сущности природы термина и не могут выявить его главные признаки, противопоставляющие данную языковую единицу всем остальным лексическим единицам языка [8, с. 88].

В.М. Лейчик формулирует четкий вопрос о том, что в термине от лингвистики, а что от логики и семиотики. Он утверждает, что решение противоречий между нормативным и дескриптивным аспектами лежит в рамках только терминоведения, поскольку это комплексная наука, основанная на философии, логике, семиотике, науковедении, общей теории систем, информатики и др.

Именно такая постановка вопроса предваряет знаменитое суждение о том, что термин образуется на основе лексической единицы определенного естественного языка, т. е. лексическая единица языка является субстратом термина [там же, с. 89].

В.М. Лейчик сформулировал мысль о том, что следует судить не о языковой природе, а о естественно-языковом субстрате термина, поскольку наиболее существенные признаки термин приобретает, становясь термином и противопоставляясь своему естественно-языковому субстрату. Данная мысль получила четкую дефиницию в тексте докторской диссертации В.М. Лейчика: «Субстратом термина является лексическая единица (слово или словосочетание), у которой при выполнении ею функции термина появляются (надстраиваются) специфические признаки. В то же время у термина сохраняются общие признаки лексической единицы естественного языка, в том числе способность вступать в синтагматические отношения в речевых произведениях, в текстах» [15, с. 12].

В этом смысле данная идея во многом перекликается с представлениями о термине Э.К. Дрезена, считавшего, что подлинное значение терминов не связано с «обиходным смыслом» слов, образующим эти термины, оно определяется соответствующей научной отраслью и теми специфическими понятиями, которые связаны в науке с данными терминами [19, с. 123].

Понятие субстрата известно в науке, но благодаря тому, что сущность термина была раскрыта при помощи данной категории, делает это открытие фундаментальным, способствующим радикальному сдвигу в понимании природы термина.

Вопрос о связи языка науки и естественного языка решался известными философами начала XX в., такими как П.А. Флоренский, С.В. Булгаков, Г.Г. Шпет, считавшими неоправданным разделять научный и естественный языки. В модели термина как субстрата естественного языка мы видим преемственность и традиции исследования термина, созданные в трудах П.А. Флоренского, утверждавшего, что термин принадлежит научной речи, которая является орудием, выкованным из повседневного языка, при помощи которого человек овладевает предметом познания [20, с. 221].

Обращение к природе термина позволило В.М. Лейчику найти такое решение, которое противопоставлено традиционным взглядам на термин. С одной стороны, идея о субстрате не новая, с другой стороны, видна попытка исследователя воплотить принцип динамики и развития. В.М. Лейчик разработал новую теорию термина, опирающуюся на представление о специальной единице как семиотическом объекте.

Понятие субстрата, как объясняет В.М. Лейчик, основано не на лингвистической традиции, а на его трактовке в микробиологии, в рамках которой он понимается как питательная среда для развития микроорганизмов [8, с. 89].

В.М. Лейчик использовал метафорический образ субстрата, проясняющий сложное построение его модели. При этом метафора понимается в своем первоначальном смысле — «через», *форá* — «движение», т. е. термин — это движение слова к новой субстанции. Это очень важно для понимания роли создаваемой модели. Данный образ выполнил функцию концептуализации. Понятие субстрата подразумевает индивидуальную деятельность по созданию термина. Образ предполагает широкое толкование и понимание модели, что придает ей неопредельный и творческий характер. Это и есть, по В.М. Лейчику, механизм образования термина.

В терминологических исследованиях уделяется недостаточно внимания к выбору В.М. Лейчиком самого образа развития термина. Отметим большое значение термина *субстрат* как потенциальной модели, отвечающей за понятие развития термина. Использование этого образа-метафоры имеет громадный методологический смысл для терминоведения и философии термина. В методологическом смысле используемый образ способствует определению места и границ анализа термина. В философском аспекте устанавливается иерархия форм движения. Подобно тому, как химическая форма движения базируется на физической (но не сводится к ней), а социальная форма движения базируется на биологической, термин основан на лексической единице определенного языка, но не сводится к ней, а терминоведение развивается на базе лингвистики, но не сводится к ней [там же].

В.М. Лейчик показал, что использование образа субстрата в потенциальной модели позволяет освободиться от механистического представления о термине, создавая основу для последующих интерпретаций термина.

Отметим, что в данном случае метафорический образ оказался чрезвычайно содержательным, отражающим характерные признаки термина: а) диалектику статики и динамики; б) мотивированность любого термина. По мнению В.М. Лейчика, мотивированность термина определяется в конечном счете его языковым субстратом [там же, с. 90]. С учетом предложенного В.М. Лейчиком метафорического образа данная модель обладает большим когнитивным потенциалом.

Применение лингвистических методов в терминоведении необходимо, поскольку они являются важнейшей составной частью системы методов этой научной дисциплины. Тем не менее результаты использования этих методов вскрывают лишь признаки языкового субстрата терминов, закономерности функционирования этого субстрата, но не всю настроившуюся на этом субстрате совокупность признаков терминов, т. е. онтологию последних.

Таким образом, в фундаментальном открытии, сделанном В.М. Лейчиком в отношении природы термина, можно обнаружить способ решения одной из важных проблем терминоведения, обусловленной местом термина в системе языка. Проведенный В.М. Лейчиком анализ противоречий между словом естественного языка и единицей специального языка был основой пересмотра традиционного представления о термине.

В концепции В.М. Лейчика нам видится два важнейших момента:

- выявление процесса превращения нетермина в термин (процесса терминологизации);
- соотнесенность языкового субстрата термина с функционированием терминов в тексте [там же, с. 91].

Исследование процесса терминологизации представляет собой итог многолетних дискуссий вокруг моделей терминологизации, начавшихся в 1980-х годах. Сам В.М. Лейчик имел в виду сложную природу термина с точки зрения взаимодействия с единицами языка. В этом ему помогли знания по философии, методологии и семиотике [1]. Мы заметили увлечение В.М. Лейчиком философией и методологией, начавшееся в 1980-х годах в ходе работы в методологическом семинаре под руководством Г.П. Щедровицкого [2]. Труды В.М. Лейчика по терминоведению содержат множество доказательств его глубокого знания философии и методологии.

Роль термина в тексте — главная тема последующих научных трудов В.М. Лейчика, раскрывающих идею о том, что текстообразование связано с ситуациями терминообразования и функционирования. Цель данных работ сопряжена с раскрытием аналогии, существующей между типами текста (терминопорождающими, терминофиксирующими и терминоиспользующими) и терминологическими процессами [10; 21].

Только с позиции времени приходит осознание того, что трансформация терминологических понятий в творчестве В.М. Лейчика привела к пониманию изменения всей терминологической системы взглядов. В этом плане, когда к термину предъявляется требование однозначности, а многозначность считается недостатком терминологии, речь идет, по В.М. Лейчику, о языковом субстрате термина, а не о самом термине. В.М. Лейчик доказывает выдвинутую им идею с помощью анализа источников происхождения терминов.

Особое значение в теории В.М. Лейчика придается выводу о неправомерности традиционных противопоставлений термина и слова, а также взглядов на термин как особого слова, поскольку между этими единицами существует не отношение контрастности, а отношение логической производности [8, с. 91].

По В.М. Лейчику, структура термина представляет собой многоуровневое образование, включающее языковой субстрат и логический суперстрат, образующие нижний и верхний слои термина, между которыми располагается терминологическая сущность, состоящая из концептуальной, функциональной и формальной структур.

Понятие многоуровневости было принципиально новым в концепциях термина. Оно упорядочивает терминообразовательный процесс за счет отношений производности между слоями.

Созданная модель раскрывает «терминологическую сущность термина», которая, по мнению автора модели, шире соотношения языкового знака с логическим понятием. Значение моделирования термина заключается в том, что данный метод позволил выявить фундаментальный лингвистический закон терминоведения: противоречие между языковым субстратом и терминологической сущностью термина.

Широкий взгляд на термин позволил В.М. Лейчику во многом предвосхитить когнитивную направленность терминоведческих исследований. Как он писал, «необходимо постоянно иметь в виду, что, будучи обозначениями мысленных объектов теоретического плана (концептов), термины и терминосистемы неизбежно обладают известной зыбкостью границ (признаками нечеткого множества и его элементов), что и требует к ним соответствующего подхода, применения современных гибких методов анализа и оценки, в том числе когнитивных методов» [16, с. 140].

Теория В.М. Лейчика о языковом субстрате термина завершает период трансформаций в терминоведении и одновременно открывает новый когнитивный период.

Отметим, что в аспекте познания теория субстрата обогатила терминоведение и вместе с тем показала множественность подходов к рассмотрению природы термина, открывая возможность построения новых моделей терминообразования.

Семиотика и деривация термина

Исключительный интерес для нас представляет сопоставительный анализ терминологического творчества В.М. Лейчика и содержания дериватологического направления в лингвистике, разработанного в Пермской лингвистической школе в конце XX в. [22–24].

Лингвистическое направление, получившее название дериватология, связано с речепроизводственной стороной языка, выражающей его глубинное сущностное содержание [22, с. 3]. Семиотическая модель термина в трактовке В.М. Лейчика позволяет рассматривать природу термина с тех же позиций, что и дериватология.

В.М. Лейчик был лично знаком со многими представителями Пермской лингвистической школы: Л.Н. Мурзиным, М.Н. Кожинной, М.П. Котуровой. Он несколько раз приезжал в Пермь для участия в научных конференциях, его статьи опубликованы в издательстве Пермского государственного национального исследовательского университета [25–28 и др.].

Итак, главным тезисом Пермской лингвистической школы был взгляд на язык как процесс образования языковых единиц в соответствии с динамическими законами развития языка, т. е. деривация считалась динамическим способом существования языка, способом его реализации [29, с. 38], поэтому в основе процесса образования языковых единиц полагалась динамика, ассоциирующаяся с развитием и движением [25]. Подобно философскому пониманию движения как способа существования материи, динамика языка определялась как способ бытия и функционирования языковой материи. В дериватологии считается, что в каждый момент своего бытия язык обладает статической основой (в теории В.М. Лейчика это языковой субстрат) и динамическим способом существования (термины).

Дериватологическая трактовка термина выстраивалась на следующих существенных признаках: а) на свойстве термина как языкового знака; б) на свойстве производной единицы; в) на специфических свойствах термина. На этом основании термин определяется как динамическая, конструируемая единица, использующая в качестве основы либо знаки естественного языка, либо знаки уже имеющегося специального лексикона и являющаяся средством и результатом познавательного процесса. Очевидно, что данное определение строится не на критериях дифференциации или интеграции соотношения «слово — термин», а на понятии производности термина по отношению к слову.

Сходная точка зрения разработана в трудах В.М. Лейчика, предложившего рассматривать терминообразование как процесс, обогащающий систему специального языка. По мнению В.М. Лейчика, формирование «признаков термина в лексических единицах ЯСЦ происходит в виде своеобразного процесса, присущего именно этим языкам, создаваемым в отличие от языка повседневного общения на основе принципа сознательного отбора единиц» [8, с. 94].

В теории деривации особо отмечается, что деривация не сводится к простому превращению одних единиц в другие, к созданию новых единиц на базе старых. Это сложный мыслительный процесс, связанный с отражением реального мира в сознании человека. Подобные утверждения содержатся в работах В.М. Лейчика, рассматривавшего функциональную сторону термина как конструируемой единицы, не ограничивающейся в своем функционировании сферой фиксации [30; 31].

Решение проблем термина в Пермской лингвистической школе стало осуществляться с учетом того, что информация в научно-технических текстах закодирована в терминах или специализированных единицах знаний, которые можно рассматривать как точки доступа к более сложным структурам знаний, поэтому динамику терминообразования связывали с конструктивным развитием самой мысли. В результате сформировалось представление о том, что новизна знания и научного поиска создает интеллектуальное напряжение, связанное с процессом вербализации научной мысли.

Главное положение дериватологии связано с тем, что порождение единиц языка удовлетворяет потребностям текстопорождения [29]. К сфере деривации относится производство совокупности речевых структур и их компонентов.

Следует отметить, что в основе деривации лежит понятие языка не только как знаковой системы, но и как комплекса речепорождающих процессов, имеющих своим непосредственным результатом создание речевых единиц различного типа (терминов в том числе), что, в свою очередь, приводит к расширению системы языка за счет включения в нее новых производных единиц. Следовательно, деривация — конкретное воплощение речевой динамики языка. Деривация охватывает сферу *производства* текстов, а конкретные акты порождения языковых единиц рассматривает как элементы коммуникации.

В этой связи свойства термина отличаются от его характеристик в традиционном терминоведении, поскольку сущность данной единицы полностью зависит от закономерностей порождения текста. Специфика функции термина заключается в том, что он вводится в конкретный текст как заместитель другого текста, представляющего первичное описание объекта исследования. В этой роли термин выполняет функцию дефиниции, определяя понятие.

По Л.Н. Мурзину, природа термина выражается в том, что в сравнении с обычным словом термин сверхфункционален, т. е. выполняет дополнительную функцию описания текста [там же, с. 53]. Терминообразование происходит только в текстах в результате действия законов текстообразования. С точки зрения деривации терминообразование — это продукт текстообразования.

Очевидно, что с этих же позиций В.М. Лейчик рассматривает терминообразование. Мы прослеживаем внутренне близкие понятия динамики, процессуальности и вторичности.

Кроме того, существенным признаком термина, выявленным дериватологами, явилась его производность, или вторичность образования. Это позволило определить терминообразование как процесс перекодирования знака естественного языка во вторичный знак. Вторичность термина рассматривалась в двух смыслах: 1) по отношению к источнику образования, 2) по отношению к способу образования. Понятие вторичности термина в первом аспекте подразумевает исследование термина как вербального знака, использующего готовую, уже созданную форму, являющуюся словом естествен-

ного языка. Вторичность термина во втором аспекте понималась как структурно-семантическое преобразование предшествующей развернутой терминологической номинации в конструируемую терминологическую единицу.

Как можно заметить, описанные положения дериватологического учения о языке напрямую соотносятся с моделью термина в трудах В.М. Лейчика, утверждавшего, что язык повседневного общения является первичным, а все языки для специальных целей вторичны [8, с. 92]. Поскольку термин дан в виде единицы языка, то он вырастает на лексической единице определенного естественного языка, т. е. лексическая единица языка является естественно-языковым субстратом термина [16, с. 30–31]. Это свойство придает термину особую комплексность и сложность. Поскольку в качестве значений терминов выступают специфичные понятия, представляющие собой единство обозначения (референции, объективного) и осмысления (теории, объективно-субъективного), то значения терминов сложнее, чем значения нетерминов, поскольку они включают в себя специальный (научный, технический и пр.) компонент [там же, с. 34].

Главное, что объединяет понятие языкового субстрата термина с его деривационными трактовками, это понятие динамики термина или развития. Динамика трактуется в двух смыслах: с одной стороны, при подходе к термину как порождаемой, а не фиксируемой единице. Поэтому ее динамизм заключается в процессуальности. С другой стороны, поскольку термин — элемент научной мысли, то динамизм связан с конструктивным развитием самой мысли, когда новизна знания создает интеллектуальное напряжение, связанное с процессом вербализации мысли. Термины при этом рассматриваются как конденсаторы нового, каждый раз меняющегося текущего смысла.

Размышляя о природе термина в аспекте функционирования, В.М. Лейчик ссылается на идею В.П. Даниленко о двух сферах существования научно-технических терминов: сфере фиксации и сфере функционирования [32, с. 38–39]. Он создает типологию терминированных текстов: терминопользующие, терминофиксирующие и терминопорождающие. К первому типу текстов В.М. Лейчик относит тексты, в которые термины входят уже будучи заранее закрепленными в лексике того или иного языка, уже известными получателю текста. Ко второму типу — те, которые специально предназначены для того, чтобы отобрать, оценить, рекомендовать и закрепить в нормативном употреблении те или иные термины и определения их значений (т. е. понятия). К третьему — тексты, авторы которых впервые вводят новые термины в процессе формулирования и изложения новой теории, концепции, нового изобретения и открытия [25]. По мнению В.М. Лейчика, в теории терминоведения уже доказано, что сфера фиксации является вторичной для терминов и не подлежит сомнению, что «изучение реально бытующих в тексте терминов позволит открыть новые существенные закономерности их создания и использования» [21, с. 81].

В этом суждении отразилась деривационная основа термина, связанная с развитием лингвистического знака, вбирающего в себя, т. е. контаминирующего, две линии естественного и специального языков. Данное понятие термина отражает стремление выйти за рамки «лингвоцентризма», проявляющееся в утверждении, что терминологическая сущность термина шире соотношения языкового знака с логическим понятием, и что для ее характеристики недостаточно рассмотрения

традиционных аспектов, присущих языковому знаку (номинативного, коммуникативного, когнитивного) [33].

В конце нашего исследования остановимся еще на одном существенном моменте. В дериватологии главной задачей является реконструкция отдельного деривационного процесса, поскольку предметом исследования являются непосредственно процессы порождения единиц. Ввиду того, что деривационные процессы непосредственно ненаблюдаемые из-за внутреннего мыслительного характера, большое значение в методике анализа данных процессов имеет обнаружение следов внутренних деривационных процессов, т. е. выявление исходных и результирующих единиц деривационного акта [34].

Моделирование представляет собой общенаучный метод, характеризующийся дедуктивностью и интерпретируемостью объекта исследования. В дериватологии подчеркивается, что модель абстрактна, т. е. опирается на общие правила и законы. В ней в чистом виде представлены законы семиотики, соотносящиеся с вторичными функциями единиц языка. С этим связана большая объяснительная сила модели.

Модель термина как субстрата естественного языка также предполагает реконструкцию производного процесса. Исследование субстрата термина предполагает анализ исходных единиц терминообразовательного процесса, позволяющих выявить исходные и результирующие данные. Их семантико-структурные соотношения позволяют воссоздать исходную гипотезу о порождении отдельных терминов. Дальнейшее совершенствование анализа терминообразования с этих позиций способствует формированию новой методики когнитивного анализа процессов порождения терминов [35; 36].

Предложенный в статье сопоставительный анализ модели термина в работах В.М. Лейчика и дериватологической теории порождения языковых единиц позволил увидеть актуальные проблемы терминообразования с учетом природы производных процессов и их языкового статуса, связи мыслительных и языковых уровней, а также трансформации традиционных взглядов на термин.

Выводы

Главный научный вывод, сделанный на основе анализа трудов В.М. Лейчика по терминоведению, заключается в том, что лингвистическая локализация термина перестает быть фиксированной. В.М. Лейчику удалось углубить представление об этом феномене с помощью новой модели термина, предполагающей динамику пространства терминообразования.

Модель термина в виде субстрата естественного языка, созданная В.М. Лейчиком, оказалась первым примером терминологической теории, опирающейся на семиотику. Именно модель термина как субстрата естественного языка, представляющая термин в общем виде, определила будущий прогресс теории терминоведения как трансдисциплинарной науки.

Это позволяет заключить, что переход от лексической единицы языкового субстрата к лексической единице ЯСЦ, в частности к термину, означает ее переход в новое качество [8, с. 96].

Отметим, что в качестве аналогии своим мыслям В.М. Лейчик пользовался музыкальными терминами, такими как рапсодия, многоголосие, музыкальные телеграммы, блюзы, эпигалама, позаимствованными им за пределами терминологии

и лингвистики. Моделирование термина с помощью субстрата позволило ему сформулировать более широкое понятие дискурса специального языка. Подобный взгляд на дискурс В.М. Лейчик сравнил с многоголосием, имеющим не лингвистический, а междисциплинарный комплексный характер, тяготеющий к теории коммуникации и другим информационным, когнитивным, психологическим и социальным научным направлениям [28, с. 70].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеева, Л.М., Мишланова, С.Л.* Языковой субстрат термина: 30 лет спустя // Терминология и знание. Вып. IV. Материалы IV Международного симпозиума / отв. ред. С.Д. Шелов. М.: Вест-Консалтинг, 2014. С. 13–23.
2. *Алексеева, Л.М., Мишланова, С.Л.* Путь к дискурсивному терминоведению (к 90-летию В.М. Лейчика) // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2018. № 4. С. 78–93.
3. *Алексеева, Л.М., Мишланова, С.Л.* Вековой путь российского терминоведения // Научный диалог. 2021. № 9. С. 9–34.
4. *Лейчик, В.М.* Люди и слова. М.: Наука, 1982. 176 с.
5. *Лейчик, В.М.* Место терминологии в системе современных наук // Научно-техническая информация. Серия 1. 1969. № 8. С. 5–8.
6. *Лотте, Д.С.* Очередные задачи технической терминологии. Вопросы теории и методики. М.: АН СССР, 1961. 160 с.
7. *Лейчик, В.М.* Об относительности существования термина // Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики. Ч. 11. М., 1971. С. 436–442.
8. *Лейчик, В.М.* О языковом субстрате термина // Вопросы языкознания. 1986. № 5. С. 87–97.
9. *Лейчик, В.М.* Языки для специальных целей — функциональные разновидности современных развитых национальных языков // Общие и частные проблемы функциональных стилей. М., 1986. С. 28–43.
10. *Лейчик, В.М.* Роль концептуальной структуры в формировании отраслевой терминологии // Термины и их функционирование. Горький, 1987. С. 28–33.
11. *Лейчик, В.М.* Изучение термина в тексте // Текст в языке и речевой деятельности (состав, перевод, автоматическая обработка). М., 1987. С. 129–139.
12. *Алексеева, Л.М., Мишланова, С.Л.* Когнитивная трансформация терминоведения // Когнитивные исследования языка. Познание и язык: через видимость в сущность. Вып. 1 (52). Сборник научных трудов. Посвящается юбилею д-ра филол. наук, профессора Е.И. Головановой / отв. ред. вып. О.Н. Ковалева. Челябинск: Челябинский гос. университет, 2023. С. 122–128.
13. *Алексеева, Л.М., Мишланова, С.Л.* Мобильность современной терминологии // Научный диалог. 2023. Т. 12. №. 8. С. 9–27.
14. *Кун, Т.* Структура научных революций. М.: АСТ, 2002. 608 с.
15. *Лейчик, В.М.* Предмет, методы и структура терминоведения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1989. 47 с.
16. *Лейчик, В.М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 3-е. М.: ЛКИ, 2007. 256 с.
17. *Головин, Б.Н., Кобрин, Р.Ю.* Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высшая школа, 1987. 194 с.

18. Лейчик, В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: Либроком, 2009. 256 с.
19. Дрезен, Э.К. Научно-технические термины и обозначения и их стандартизация // История отечественного терминоведения. Классики терминоведения: очерк и хрестоматия. М.: Московский лицей, 1994. С. 104–165.
20. Флоренский, П.А. Имена. Сочинения. М.: Эксмо-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. 912 с.
21. Лейчик, В.М. Особенности функционирования терминов в тексте // Филологические науки. 1990. № 3. С. 80–87.
22. Адливанкин, С.Ю., Мурзин, Л.Н. О предмете и задачах дериватологии // Деривация и текст: межвузовский сборник научных трудов. Пермь: Пермский университет, 1984. С. 3–12.
23. Мурзин, Л.Н. Компрессия и семантика языка // Семантика и производство лингвистических единиц: сборник научных трудов. Пермь, 1979. С. 36–46.
24. Мурзин, Л.Н. О динамической природе языка // Спорные вопросы русского языкознания. Теория и практика. Л., 1983. С. 61–68.
25. Лейчик, В.М. Проблематика терминоведческой теории текста // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь: Пермский гос. университет, 2002. С. 63–78.
26. Лейчик, В.М. Место языков для специальных целей в структуре современного развитого национального языка // Стереотипность и творчество в тексте: межвузовский сборник науч. трудов. Вып. 9. Пермь: Пермский гос. университет, 2005. С. 153–160.
27. Лейчик, В.М. Онтологические, когнитивные и прагматические аспекты политического термина // Актуальные проблемы современной лингвистики: межвузовский сборник статей. Пермь: Пермский гос. университет, 2008. С. 212–219.
28. Лейчик, В.М. Стереотипность и творчество в дискурсе (рапсодия в стиле «дискурс») // Стереотипность и творчество в тексте: межвузовский сборник науч. трудов. Пермь: Пермский гос. университет, 2009. С. 64–73.
29. Мурзин, Л.Н., Штерн, А.С. Текст и его восприятие. Свердловск: Уральский университет, 1991. 172 с.
30. Лейчик, В.М. Применение системного подхода для анализа терминосистем // Терминоведение и профессиональная лингводидактика. Вып. 1 / под ред. В.А. Татарина. М.: Московский лицей, 1993. С. 19–30.
31. Лейчик, В.М. Проблема системности в отечественном терминоведении // Научно-техническая терминология: научно-технич. реферативный сборник. Вып. 2. М., 2001. С. 54–55.
32. Даниленко, В.П. Русская терминология: опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 248 с.
33. Лейчик, В.М. Обоснование структуры термина как языкового знака понятия // Терминоведение. 1994. № 2. С. 5–16.
34. Мурзин, Л.Н. Лингвистическое моделирование и деривация в речевой деятельности // Деривация в речевой деятельности: общие вопросы, текст, семантика. Тезисы научно-теоретической конференции. Пермь, 1988. С. 19–21.
35. Лейчик, В.М. Когнитивное терминоведение — пятый этап развития терминоведения как ведущей научной дисциплины рубежа XX–XXI вв. // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания. Вып. 5: сборник науч. трудов. М.; Рязань, 2007. С. 121–132.
36. Лейчик, В.М. Метафоризация как способ образования научных и технических терминов (на материале лексики языка компьютерного дела) // Терминология и знание: материалы II Международного симпозиума. М.: Азбуковник, 2010. С. 292–306.

REFERENCES

1. Alekseeva, L.M., Mishlanova, S.L. Yazykovej substrat termina: 30 let spustya [The Linguistic Substrate: 30 Years Later]. In: *Terminologiya i znaniye* [Terminology and Knowledge, iss. IV. Proceedings of the IV International Symposium], ed. by S.D. Shelov. Moscow, Vest-Konsalting, 2014, pp. 13–23. (in Russ.)
2. Alekseeva, L.M., Mishlanova, S.L. Put k diskursivnomu terminovdiniyu (k 90-letiyu V.M. Leitchika) [The Way to Discursive Terminology (To the 90th Anniversary of V.M. Leitchik)], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22: Teoriya perevoda* = Bulletin of the Moscow University. Series 22: The Theory of Translation, 2018, No. 4, pp. 78–93. (in Russ.)
3. Alekseeva, L.M., Mishlanova, S.L. Vekovoy put rossijskogo terminovedeniya [The Age-Old Path of Russian Terminology], *Nauchnyi dialog* = Scientific Dialogue, 2021, No. 9, pp. 9–34. (in Russ.)
4. Lejtchik, V.M. *Luidi i slova* [People and Words]. Moscow, Nauka, 1982, 176 p. (in Russ.)
5. Lejtchik, V.M. Mesto terminologii v sisteme sovremennykh nauk [The Place of Terminology in the System of Modern Sciences], *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Seriya 1* = Scientific and Technical Information, Series 1, 1969, No. 8, pp. 5–8. (in Russ.)
6. Lotte, D.S. *Ocherednye zadachi tekhnicheskoy terminologii. Voprosy teorii i metodiki* [The Essential Tasks of Technical Terminology. Questions of Theory and Methodology]. Moscow, Akademiya nauk SSSR, 1961, 160 p. (in Russ.)
7. Lejtchik, V.M. Ob otноситelnosti sushchestvovaniya termina [On the Relativity of the Existence of the Term]. In: *Semioticheskiye problemy yazykon nauki, terminologii i informatiki* [Semiotic Problems of Languages of Science, Terminology and Computer Science, part 11]. Moscow, 1971, pp. 436–442. (in Russ.)
8. Lejtchik, V.M. O yazykovom substrat termina [On the Linguistic Substrate of the Term], *Voprosy yazykoznaniya* = Questions of Linguistics, 1986, No. 5, pp. 87–97. (in Russ.)
9. Lejtchik, V.M. Yazyki dlya specialnykh celej — funktsionalnye raznovidnosti sovremennykh razvitykh nacionalnykh yazykov [Languages for Special Purposes — Functional Varieties of Modern Developed National Languages]. In: *Obshchie i chastnye problemy funktsionalnykh stilej* [General and Private Problems of Functional Styles]. Moscow, 1986, pp. 28–43. (in Russ.)
10. Lejtchik, V.M. Rol kontseptualnoj struktury v formirovanii otraslevoj terminologii [The Role of the Conceptual Structure in the Formation of Industry Terminology]. In: *Terminy i ih funkcionirovanie* [Terms and Their Functioning]. Gorkij, 1987, pp. 28–33. (in Russ.)
11. Lejtchik, V.M. Izuchenie termina v tekste [Studying a Term in the Text]. In: *Tekst v yazyke i rechevoj deyatel'nosti (sostav, perevod, avtomaticheskaya obrabotka)* [Text in Language and Speech Activity (Composition, Translation, Automatic Processing)]. Moscow, 1987, pp. 129–139. (in Russ.)
12. Alekseeva, L.M., Mishlanova, S.L. Kognitivnaya transformatsiya terminovedeniya [Cognitive Transformation of Terminology]. In: *Kognitivnyye issledovaniya yazyka. Poznanie i yazyk: cherez vidimost v sushchnost. Vyp. 1 (52)* [Cognitive Studies of Language. Cognition and Language: Through Appearance into Essence, iss. 1 (52). Collection of Scientific Papers], ed. by O.N. Kovalyova. Chelyabinsk, Chelyabinskij gosudarstvennyj universitet, 2023, pp. 122–128. (in Russ.)
13. Alekseeva, L.M., Mishlanova, S.L. Mobilnost sovremennoj terminologii [Mobility of Modern Terminology], *Nauchnyj dialog* = Scientific Dialogue, 2023, vol. 12, No. 8, pp. 9–27. (in Russ.)
14. Kuhn, T. *Struktura nauchnykh revolyucij* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow, АСТ, 2002, 608 p. (in Russ.)

15. Lejtchik, V.M. *Predmet, metody i struktura terminovedeniya* [Subject, Methods and Structure of Terminology]: Extended Abstract of ScD Dissertation (Philology). Moscow, 1989, 47 p. (in Russ.)
16. Lejtchik, V.M. *Terminovedenie: predmet, metody, struktura* [Terminology: Subject, Methods, Structure]. Moscow, LKI, 2007, 256 p. (in Russ.)
17. Golovin, B.N., Kobrin, R.Yu. *Lingvisticheskie osnovy ucheniya o terminah* [Linguistic Foundations of the Doctrine of Terms]. Moscow, Vysshaya shkola, 1987, 194 p. (in Russ.)
18. Lejtchik, V.M. *Terminovedenie: predmet, metody, struktura* [Terminology: Subject, Methods, Structure]. Moscow, Librokom, 2009, 256 p. (in Russ.)
19. Drezen, E.K. Nauchno-tehnicheskie terminy i oboznacheniya i ih standartizaciya [Scientific and Technical Terms and Designations and Their Standardization]. In: *Istoriya otechestvennogo terminovedeniya. Klassiki terminovedeniya: ocherk i hrestomatiya* [History of Russian Terminology. Classics of Terminology: Essay and Reader]. Moscow, Moskovskij licej, 1994, pp. 104–165. (in Russ.)
20. Florenskij, P.A. *Imena. Sochineniya* [Names. Works]. Moscow, Eksmo-Press, Harkov, Folio, 1998, 912 p. (in Russ.)
21. Lejtchik, V.M. Osobennosti funkcionirovaniya terminov v tekste [Features of the Functioning of Terms in the Text], *Filologicheskie nauki* = Philological Sciences, 1990, No. 3, pp. 80–87. (in Russ.)
22. Adlivankin, S.Yu., Murzin, L.N. O predmete i zadachah derivatologii [About the Subject and Tasks of Derivatology]. In: *Derivatologiya i tekst* [Derivation and Text: An Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Perm, Permskij universitet, 1984, pp. 3–12. (in Russ.)
23. Murzin, L.N. Kompriessiya i semantika yazyka [Compression and Semantics of Language]. In: *Semantika i proizvodstvo lingvisticheskikh edinic* [Semantics and Production of Linguistic Units: A Collection of Scientific Papers]. Perm, 1979, pp. 36–46. (in Russ.)
24. Murzin, L.N. O dinamicheskoj prirode yazyka [On the Dynamic Nature of Language]. In: *Spornye voprosy russkogo yazykoznanija. Teoriya i praktika* [Controversial Issues of Russian Linguistics. Theory and Practice]. Leningrad, 1983, pp. 61–68. (in Russ.)
25. Lejtchik, V.M. Problematika terminovedcheskoj teorii teksta [Problems of Terminological Theory of Text]. In: *Stereotipnost i tvorchestvo v tekste* [Stereotyping and Creativity in the Text]. Perm, Permskij gosudarstvennyj universitet, 2002, pp. 63–78. (in Russ.)
26. Lejtchik, V.M. Mesto yazykov dlya specialnyh celej v strukture sovremennogo razvitogo nacionalnogo yazyka [The Place of Languages for Special Purposes in the Structure of a Modern Developed National Language]. In: *Stereotipnost i tvorchestvo v tekste* [Stereotyping and Creativity in the Text: An Interuniversity Collection of Scientific Papers, iss. 9]. Perm, Permskij gosudarstvennyj universitet, pp. 153–160. (in Russ.)
27. Lejtchik, V.M. Ontologicheskie, kognitivnye i pragmaticheskie aspekty politicheskogo termina [Ontological, Cognitive and Pragmatic Aspects of a Political Term]. In: *Aktualnye problemy sovremennoj lingvistiki* [Actual Problems of Modern Linguistics: An Interuniversity Collection of Articles]. Perm, Permskij gosudarstvennyj universitet, 2008, pp. 212–219. (in Russ.)
28. Lejtchik, V.M. Stereotipnost i tvorchestvo v diskurse (rapsodiya v stile “diskurs”) [Stereotyping and Creativity in Discourse (Rhapsody in the Style of “Discourse”).]. In: *Stereotipnost i tvorchestvo v tekste* [Stereotyping and Creativity in the Text: An Interuniversity Collection of Scientific Works]. Perm, Permskij gosudarstvennyj universitet, 2009, pp. 64–73. (in Russ.)
29. Murzin, L.N., Shtern, A.S. *Tekst i ego vospriyatie* [Text and Its Perception]. Sverdlovsk, Uralskij universitet, 1991, 172 p. (in Russ.)

30. Lejtchik, V.M. Primenenie sistemnogo podhoda dlya analiza terminosistem [Application of a Systematic Approach to the Analysis of Term Systems]. In: *Terminovedenie i professionalnaya lingvodidaktika. Vyp. 1* [Terminology and Professional Linguodidactics, iss. 1], ed by V.A. Tatarinov. Moscow, Moskovskij licej, 1993, pp. 19–30. (in Russ.)
31. Lejtchik, V.M. Problemy sistemnosti v otechestvennom terminovedenii [The Problem of Systematicity in Domestic Terminology]. In: *Nauchno-tehnicheskaja terminologija. Vyp. 2* [Scientific and Technical Terminology, iss. 2]. Moscow, 2001, pp. 54–55. (in Russ.)
32. Danilenko, V.P. *Russkaya terminologiya: opyt lingvisticheskogo opisaniya* [Russian Terminology: Experience of Linguistic Description]. Moscow, Nauka, 1977, 248 p. (in Russ.)
33. Lejtchik, V.M. Obosnovanie struktury termina kak yazykovogo znaka ponyatiya [Justification of the Structure of the Term as a Linguistic Sign of the Concept], *Terminovedenie = Terminology*, 1994, No. 2, pp. 5–16. (in Russ.)
34. Murzin, L.N. Lingvisticheskoe modelirovanie i derivaciya v rechevoj deyatel'nosti [Linguistic Modeling and Derivation in Speech Activity]. In: *Derivaciya v rechevoj deyatel'nosti: obshchie voprosy, tekst, semantika* [Derivation in Speech Activity: General Questions, Text, Semantics. Abstracts of the Scientific and Theoretical Conference]. Perm, Permskij gosudarstvennyj universitet, 1988, pp. 19–21. (in Russ.)
35. Lejtchik, V.M. Kognitivnoe terminovedenie — pyatyj etap razvitiya terminovedeniya kak vedushchej nauchnoj discipliny rubezha XX–XXI vv. [Cognitive Terminology — the Fifth Stage of the Development of Terminology as a Leading Scientific Discipline of the Turn of the XX–XXI Centuries]. In: *Kognitivnaya lingvistika: novye problemy poznaniya. Vyp. 5* [Cognitive Linguistics: New Problems of Cognition: A Collection of Scientific Papers, iss. 5]. Moscow, Ryazan, 2007, pp. 121–132. (in Russ.)
36. Lejtchik, V.M. Metaforizaciya kak sposob obrazovaniya nauchnyh i tehnicheskikh terminov (na materiale leksiki yazyka kompyuternogo dela) [Metaphorization As a Way of Forming Scientific and Technical Terms (Based on the Vocabulary of the Language of Computer Science)]. In: *Terminologiya i znanie* [Terminology and Knowledge: Materials of the II International Symposium]. Moscow, Azbukovnik, 2010, pp. 292–306. (in Russ.)

Алексеева Лариса Михайловна, доктор филологических наук, профессор, кафедра лингводидактики, Пермский государственный национальный исследовательский университет, larissapsu@gmail.com

Larisa M. Alekseeva, ScD in Philology, Professor, Lingua-didactics Department, Perm State National Research University, larissapsu@gmail.com

Мишланова Светлана Леонидовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой, кафедра лингводидактики, Пермский государственный национальный исследовательский университет, mishlanovas@mail.ru

Svetlana L. Mishlanova, ScD in Philology, Professor, Chairperson, Lingua-didactics Department, Perm State National Research University, mishlanovas@mail.ru

Статья поступила в редакцию 02.04.2024. Принята к публикации 26.04.2024

The paper was submitted 02.04.2024. Accepted for publication 26.04.2024